

Гаджикурбанов Аслан Гусаевич

### **ОТНОШЕНИЕ К МИРУ В ЭТИКЕ СТОИЦИЗМА И В МОРАЛЬНОМ УЧЕНИИ СПИНОЗЫ**

В статье предпринята попытка переосмыслить устоявшееся представление о стоическом отношении к миру как о противоборстве морального субъекта с враждебной ему реальностью. Как полагает автор, этот сложившийся в течение многих веков образ стоика несет на себе черты нравственного ригоризма и мировоззренческого экстремизма. При более внимательном прочтении стоических источников, мы обнаружим другое, оптимистическое и даже праздничное отношение стоика к миру. Такое же умонастроение обнаруживает и близкая стоицизму этическая доктрина Спинозы.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/8.html](http://www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/8.html)

Источник

### **Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. III. С. 37-39. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/](http://www.gramota.net/materials/3/2015/11-3/)

### **© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)  
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

УДК 17.03

**Философские науки**

*В статье предпринята попытка переосмыслить устоявшееся представление о стоическом отношении к миру как о противоборстве морального субъекта с враждебной ему реальностью. Как полагает автор, этот сложившийся в течение многих веков образ стоика несет на себе черты нравственного ригоризма и мировоззренческого экстремизма. При более внимательном прочтении стоических источников, мы обнаружим другое, оптимистическое и даже праздничное отношение стоика к миру. Такое же умонастроение обнаруживает и близкая стоицизму этическая доктрина Спинозы.*

*Ключевые слова и фразы:* стоическая выдержка; духовная крепость; натурализм; лучший из миров; жизнь как праздник.

**Гаджикурбанов Аслан Гусаевич**, к. филос. н., доцент  
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова  
gadzhikurbanov@yandex.ru

**ОТНОШЕНИЕ К МИРУ В ЭТИКЕ СТОИЦИЗМА И В МОРАЛЬНОМ УЧЕНИИ СПИНОЗЫ<sup>©</sup>**

В современном русском лексиконе прочно утвердились несколько устойчивых выражений, усвоенных нами из античной философской традиции. Представленные в них образы не только сохранились в нашей памяти, но наполнились новым смыслом и получили современное звучание. В частности, мы говорим о сократовской иронии, платонической любви, эпикурейском отношении к радостям жизни, киническом бесстыдстве, стоической выдержке. Остановимся на последнем. Каким мы видим стоика? Чтобы получить достоверный портрет стоика, обратимся к авторитетным свидетельствам и дадим слово самим историческим носителям этого гордого звания – они не только знали, каким должен быть стоик, но и в своей жизни пытались практически воплотить моральный идеал Стои. Вот как представляет себе стоического субъекта практикующий философ-стоик Сенека: «Вот я – стою подобно скале на морской отмели, и волны беспрестанно обрушиваются на меня свои удары, но ни сдвинуть меня с места ни разбить им не под силу, хотя нападки их не прекращаются столетиями. Нападайте же, бейте: я вынесу все, и в этом – моя победа над вами. Нападающие на неодолимую твердую употребят свою силу себе же во зло; а потому ищите мягкую и уступчивую мишень, чтобы вонзить ваши стрелы» [3, с. 38-39]. Ему вторит стоически мыслящий философ на троне Марк Аврелий: «Быть похожим на утес, о который непрестанно бьется волна; он стоит, и разгоряченная влага затихает вокруг него» [2, с. 22].

Иногда кажется, что из четырех кардинальных добродетелей античной этики – мудрости, мужества, умеренности и справедливости – стоицизм избрал для себя в качестве приоритетной модели нравственной жизни именно *мужество* (греч. *andreia*, лат. *fortitudo*). Не случайно стоическая моральная традиция оказалась наиболее приемлемой для римлян, ценивших в нравственном идеале, прежде всего, идею мужественности – твердости в отстаивании собственных принципов и стойкости перед ударами судьбы (в этом заключается первичный смысл римского понятия *virtus*, обозначающего добродетель) [12, р. 4]. В данном случае этический дискурс стоиков в определенной мере усвоил моральную типологию героического эпоса, сравнивающего человеческую жизнь с полем битвы или, по крайней мере, превращающего нравственного субъекта в участника агона (Олимпийского состязания). Какими же нравственными качествами должен обладать тот, кто хочет получить высший моральный приз? В нем должен присутствовать дух фатализма, то есть уверенности в закономерности и неотвратимости всего происходящего; безразличия к жизни, спокойное отношение к смерти и даже желание умереть, если для этого сложатся необходимые условия; стойкость к жизненным невзгодам и к превратностям судьбы; душевное равновесие при изменяющихся обстоятельствах жизни; презрение к чувственным соблазнам; беспощадность или нетерпимость к человеческим слабостям, если не сказать черствость.

Известный французский эллинист Пьер Адо назвал свою книгу, повествующую о моральном умонастроении Марка Аврелия, «Внутренняя цитадель» [9] – речь идет о формировании в душе, или во внутреннем мире поборника стоической доктрины своего рода духовной крепости, отделяющей его от внешнего мира, который подвергает человека непрерывной осаде. Идея достаточно внятная и выразительная – моральная парадигма стоицизма предполагает, что мудрец или добродетельный человек должен обороняться от внешней среды, сохраняя себя, свое «Я» и сокровища своей души от разрушительного натиска стихии обыденной жизни или ее разъедающего влияния. Чтобы сохранить себя как моральное существо, он должен защищаться. В этих метафорах и образах моральная жизнь предстает перед нами как оппозиция морального подвижника и безнравственного (безразличного к морали) мира, как столкновение этического идеала с враждебным ему окружением. Такой, сложившийся в течение многих веков образ стоика несет на себе черты не только нравственного ригоризма, но и мировоззренческого экстремизма<sup>1</sup>. В соответствии с этим, в стоической доктрине отчетливо звучат мотивы морального индивидуализма, или эгоизма, отчуждающего человека от мира.

<sup>©</sup> Гаджикурбанов А. Г., 2015

<sup>1</sup> Здесь можно говорить о прямом влиянии кинизма на моральную доктрину стоиков. Эта тема не часто привлекает внимание исследователей. Между тем в авторитетнейшем издании «Фрагментов ранних стоиков» И. фон Арнима целый параграф носит название «Кинические фрагменты» (SVF III Cap. X, § 10. Cynica) [15, р. 185-187].

Между тем, если взглянуть на те же темы, метафоры и сравнения непредвзято, или, другими словами, если попытаться оценить эти исторически апробированные и устойчивые топики античной моральной риторики с позиций стоической *adiaфории*, опираясь при этом на столь же достоверные свидетельства стоических авторов, то перед нами предстанет другой, более оптимистический и даже в чем-то апологетический образ стоического космоса и человека, живущего в нем.

Как мы полагаем, предлагаемая «позитивная» атрибуция универсума (космоса, мира в целом) в стоицизме имеет под собой несколько оснований:

1) прежде всего, описанное выше стереотипное представление о космосе, враждебном человеку, противоречит одному из *базисных* принципов стоической моральной доктрины, согласно которому основанием и целью нравственной жизни является природа. В стоицизме, как и в кинизме, высшая цель моральных стремлений человека, то есть его добродетель, состоит в том, чтобы «жить согласно с природой», или, другими словами, «конечная цель определяется как жизнь соответствующая природе». В моральной сфере добродетель одновременно составляет высшее благо для человека, поскольку она предполагает такой образ жизни, при котором «мы воздерживаемся от всего, что запрещено общим законом, а закон этот – верный разум, всепроникающий и тождественный с Зевсом, направителем и распорядителем всего сущего» [1, с. 273]. Таким образом, природа для стоиков есть образ универсума, космоса или мира в целом, в котором реализован божественный закон и мировой разум и где протекает жизнь человека;

2) задача человека как морального субъекта – уподобиться этому моральному образцу, воплощающему в себе все совершенства, то есть стать подобием Природы. Как можно заключить, по самому своему определению она представляет собой *объективную модель* высшего морального блага для человека. В этом смысле было бы странным, если бы стоическая мораль призывала человека отвергать или презирать то, что она рассматривает в качестве образца нравственной жизни человека;

3) вопреки широко распространенному представлению, стоический субъект воспринимает события своей жизни не как *удары* судьбы, а как *дары* судьбы, или как испытания присущих ему добродетелей. Отсюда следует, что первичное отношение или *первичное расположение* (*oikeiosis*) стоика к миру – не противостояние, а родство с миром, уподобление его разумному порядку, гармония и даже слияние с ним [11, р. 354]. Можно с определенностью утверждать, что фундаментальная мировоззренческая установка стоика по отношению к миру, или внутреннее чувство, с которым он относится к универсуму – *благодарность* за существование и *благодарение* за лучший удел. Этим чувством проникнут знаменитый «Гимн к Зевсу» – своего рода молитва схоласта стоической школы Клеанфа к верховному владыке Вселенной [14, р. 121-123]. Поскольку устройство этого мира, с точки зрения стоика, является наилучшим, то и статус любого его обитателя должен рассматриваться как лучший из всех возможных<sup>1</sup>;

4) на идеальный образ Природы опирается и стоическая космодицея – оправдание универсума с моральной точки зрения. Важнейшим ее мотивом является убежденность в том, что *рациональность* (*разумность*) *мира тождественна его ценностной* (*моральной*) *позитивности*: мир не только разумен, но и благ; он и благ, потому что разумен. Человек не только живет в лучшем из миров, но и сама его жизнь должна рассматриваться как радостное событие – Эпиктет рассматривает жизнь как праздник, сравнивая ее с Олимпийскими играми: «У нас обстоит примерно так, как на всеобщем празднестве. <...> большинство приходит кто продавать, кто покупать. Но немного таких, которые приходят на созерцание празднества: как это происходит и почему, кто такие устроившие празднество и с какой целью? <...> В этом великом и прекрасном устройстве существует строгий порядок, и есть тот, кто им управляет» [7, р. 312-314].

Интересно, что та же топика стоической моральной доктрины практически полностью воспроизводится и в «Этике» Спинозы – философа, разделяющего со стоицизмом *натуралистический* взгляд на природу морали [6; 10; 13]. Вот как говорит об этом Спиноза:

1) человек следует общему порядку природы, повинуется ему и приспосабливается к нему, поскольку того требует природа вещей (IV 4 королл.)<sup>2</sup>. Моральная добродетель состоит не в чем ином, как в действовании по законам собственной природы (IV 18 схогл.). Как полагает Спиноза, высшая цель нравственного человека состоит в том, чтобы исполнить свой долг, осознавая, что мы составляем часть целой природы, порядку которой и следуем; а такое стремление нашей лучшей части согласуется с порядком всей природы (IV Прибавл. 32);

2) вещи произведены Богом в высочайшем совершенстве, поскольку являются необходимым следствием его совершеннейшей природы (I 33). Человек обнаруживает, что живет в *совершенном мире*, который, в отличие от универсума Лейбница, является не лучшим из возможных миров, а единственно возможным *по своей природе*: вещи не могли быть произведены Богом никаким другим образом и ни в каком другом порядке, чем существующий (I 5);

3) а вот в каких ярких красках описывает Спиноза времяпрепровождение мудреца: «Мудрецу следует, говорю я, поддерживать и восстанавливать себя умеренной и приятной пищей и питьем, а также благовониями, красотой зеленеющих растений, красивой одеждой и музыкой, играми и упражнениями, театром и другими подобными вещами, которыми каждый может пользоваться без всякого вреда другому» (IV 45 схогл. 2).

<sup>1</sup> Существование физического зла, как и существование случайности, – результат дефекта познавательной способности. Если зло не есть свойство космической причинности, оно может происходить только из решения человека [5, с. 170].

<sup>2</sup> Все ссылки на «Этику» Спинозы, обозначающие римской цифрой номер книги, а арабской – номер теоремы из этого сочинения, даются по изданию: [4].

Самое важное заключается в том, что в устройстве мира и у стоиков и у Спинозы *разумный* порядок бытия совпадает с *морально-совершенным*. И в том и в другом случае мы имеем дело со своего рода *апологией бытия*. Как для Спинозы, так и для стоиков, человек живет в лучшем из миров, поскольку этот мир устроен абсолютно разумно. Да, «покорного судьба ведет», но мудрец покорен судьбе, потому что он следует существующему порядку вещей как наилучшему. Точно так же как отклонение или противоборство судьбе будет означать отказ от лучшей для человека участи. В «Руководстве» Эпиктета говорится так: «Желай происходящего таким, как оно происходит, и преуспеешь» [8, р. 490]. В этом и заключается добродетель.

В отличие от Платона, стоики и Спиноза были близки к тому, чтобы отождествить эйдетическую (идеальную) модель бытия с наличным устройством универсума, поэтому для них все происходящее с человеком в этом мире – разумно, оправдано и морально совершенно по своей природе. Соответственно, подчиняться его законам нас побуждает не только разум, но и нравственное чувство. Характерный для обеих доктрин фатализм, который часто мыслится как основание человеческой несвободы и внешнего принуждения, на самом деле представляет собой в этих концепциях диктат морально совершенного начала над человеческим своеволием.

#### Список литературы

1. **Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. М. Л. Гаспарова. Изд-е 2-е, испр. М.: Мысль, 1986. 571 с.
2. **Марк Аврелий Антонин.** Размышления / пер. и прим. А. К. Гаврилова; статьи А. И. Доватура, А. К. Гаврилова, Я. Унта; комм. Я. Унта. Изд-е 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1993. 248 с.
3. **Сенека Луций Анней.** Философские трактаты / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т. Ю. Бородай. СПб.: Алетей, 2001. 400 с.
4. **Спиноза Б.** Сочинения: в 2-х т. / вступ. ст. К. А. Сергеева. Изд-е 2-е. СПб.: Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
5. **Столяров А. А.** Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1995. 448 п.
6. **DeBrabander F.** Spinoza and the Stoics: Power, Politics and the Passions. L.: Continuum, 2007. 150 p.
7. **Epictetus.** The Discourses as Reported by Arrian, the Manual, and Fragments: II vol. / with an English transl. by W. A. Oldfather. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. Vol. I. 443 p.
8. **Epictetus.** The Discourses as Reported by Arrian, the Manual, and Fragments: II vol. / with an English transl. by W. A. Oldfather. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959. Vol. II. 560 p.
9. **Hadot P.** La citadelle intérieure. Introduction aux Pensées de Marc Aurèle. P.: Fayard, 1992. 386 p.
10. **Long A. A.** Stoicism in the Philosophical Tradition: Spinoza, Lipsius, Butler // The Cambridge Companion to the Stoics / ed. by B. Inwood. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 365-392.
11. **Long A. A., Sedley D. N.** The Hellenistic Philosophers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Vol. 2. Greek and Latin Texts with Notes and Bibliography. X+512 p.
12. **McDonnell M.** Roman Manliness: Virtus and the Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 481 p.
13. **Miller J.** Spinoza and the Stoics. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 250 p.
14. **Stoicorum veterum fragmenta:** IV vol. / Coll. I. ab Arnim. Lipsiae: Teubner, 1905. Vol. I. Zeno et Zenonis discipuli. XLVIII+142 p.
15. **Stoicorum veterum fragmenta:** IV vol. / Coll. I. ab Arnim. Lipsiae: Teubner, 1903. Vol. III. Chrysippi fragmenta moralia. Fragmenta successorum Chrysippi. 299 p.

#### ATTITUDE TOWARDS THE WORLD IN THE ETHICS OF STOICISM AND IN THE MORAL TEACHING OF SPINOZA

**Gadzhikurbanov Aslan Gusaevich**, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor  
*Lomonosov Moscow State University*  
*gadzhikurbanov@yandex.ru*

In the article an attempt to rethink the idea of a fixed notion about stoic attitude towards the world as about the confrontation of moral subject with hostile reality is made. The author believes that this formed over many centuries image of the stoic has the features of moral rigor and world outlook extremism. The more careful reading of Stoic sources allows us to find another, optimistic and even festive attitude of the stoic towards the world. The same state of mind is detected in the ethical doctrine by Spinoza, which is close to Stoicism.

*Key words and phrases:* stoical endurance; spiritual strength; naturalism; the best of the worlds; life as holiday.